

I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

А.П. Заостровцев

НЕФТЬ, ПОГОНЯ ЗА РЕНТОЙ И ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ (ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ)

«Если история и может что-либо доказать и чему-либо нас научить, то только лишь тому, что частная собственность на средства производства есть необходимая предпосылка цивилизации и материального благополучия»¹

С тех пор, как австрийский экономист Людвиг фон Мизес написал эти слова в защиту частной собственности, прошло полвека. За это время их правота подтверждалась неоднократно. Социализм, отвергший частную собственность, обернулся повсеместным провалом (как и предсказывал Мизес). Однако это историческое событие не стало уроком для человечества. Во многих странах мира сохранность прав собственности находится под угрозой. Причем положение с правами собственности в ряде стран в последние годы заметно ухудшается. В их число входит и Россия.²

---

¹ Мизес Людвиг фон. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: «Дело», 1993. С. 154.

² Подробнее о тенденции к разрушению прав собственности в России в последние годы см.: Заостровцев А.П. Идеалы конституционной экономики и российская реальность // Актуальные экономические проблемы России / Под общ. ред. Л.Э. Лимонова. СПб.: ГУП МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», 2005. С. 129–157; Он же. Беларусь и Россия: сравнительный анализ прав собственности // Проблемы экономической теории и политики / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», 2006. С. 402–419.

В настоящее время ситуация с правами собственности в России — одна из худших в мире. Достаточно сказать, что в вышедшем в 2007 г. Международном индексе прав собственности (разработан Альянсом прав собственности, США) Россия занимает 63-е место среди 70 оцененных стран, набрав 3,2 балла (максимум — 10). Ее соседями являются Пакистан (3,3 балла) и Нигерия (3,1 балла). По такому же показателю, как «правовая и политическая среда», Россия с 1,9 баллами входит в пятерку худших, опережая лишь Венесуэлу (1,7) и Бангладеш (1,5).³

Столь плачевное состояние прав собственности в России отечественные экономисты сначала пытались объяснить отсутствием заинтересованности «олигархов» в создании эффективного режима защиты прав собственности. Аргументация строилась на том, что они могут перераспределять собственность в свою пользу через влияние на государство, а следовательно, как наличие такой возможности, так и реальные их инвестиции в государство ради ее осуществления, делают их незаинтересованной стороной в этом вопросе.⁴ Исходной базой таких утверждений послужила статья Э. Глэсера, Х. Шейнкмана и А. Шлейфера, в которой говорилось, что богатые агенты заинтересованы в плохой защите прав собственности, поскольку они могут использовать свои средства и политическое влияние для воздействия на экономические институты в собственных интересах.⁵

Однако рост нефтегазового богатства России вследствие скачка мировых цен, с одной стороны, и преследование части так называемых «олигархов» вплоть до конфискации их собственности, с другой, заставили обратиться к известным теориям «ресурсного проклятия».⁶ В частности, достаточно подробный анализ связи

---

³ International Property Rights Index (IPRI). 2007 Report. Study conducted by Alexandra C. Horst, 2006 Hernando de Soto Fellow. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.InternationalPropertyRightsIndex.org>. P. 45. В то же время заметим, что в странах из первого (верхнего) квартиля по общему индексу прав собственности среднедушевой ВВП составляет 32994 долл., из второго — 15679, из третьего — 7655, и, наконец, в последнем квартиле этот показатель равен 4294 долл. (Ibid. P. 31). Это обстоятельство в очередной раз подтверждает выбранные в качестве эпиграфа слова Мизеса.

⁴ Сонин К. Институциональная теория бесконечного передела // Вопросы экономики. 2005, № 7. С. 4–18.

⁵ Glaeser E., Scheinkman J., Shleifer A. The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics, 2003. Vol. 50. № 1. P. 199–222.

⁶ В последнее время теория «ресурсного проклятия» активно развивалась многими экономистами. Хотя у нее есть и противники. Подробное рассмотрение теории дано в работе Е. Гайдара (Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 81–130) и особенно в исследовании В. Полтеровича, В. Попова и А. Тониса (Полтерович В., Попов В., То-

незащищенных прав собственности с нефтегазовым изобилием России был представлен известным российским экономистом неинституциональной школы В. Тамбовцевым.⁷

Нехватка ресурсов защиты прав собственности

В своем исследовании Тамбовцев отталкивается от идеи М. Росса о том, что негативные для экономического роста последствия высокой ресурсной обеспеченности могут быть объяснены провалами государства в защите прав собственности.⁸ Сама связь между ресурсной обеспеченностью и уровнем защиты прав собственности может, согласно Россу, проявляться в двух основных формах.

Прежде всего, плохо защищенными правами собственности могут быть обусловлены как медленный экономический рост, так и зависимость от ресурсов. Когда права собственности защищены слабо, фирмам из обрабатывающих отраслей трудно работать, поскольку риск потери инвестиций не покрывается нормальной прибылью. Вместе с тем, добыча ресурсов может, тем не менее, осуществляться, поскольку фирмы, извлекающие высокую ресурсную ренту и оплачивающие за счет нее услуги криминальных группировок, частных армий или армий повстанцев, в состоянии получать при этом нормальную прибыль. В результате экономика растет, хотя и медленно, а извлечение ресурсов составляет основную часть всей экономической деятельности.

Вторая линия объяснения привлекает внимание к тому обстоятельству, что получение части ренты криминальными организациями в качестве платы за их услуги по защите прав собственности в условиях слабого исполнения этой функции государством, усиливает стимулы к росту подобных организаций. Рост же таковых еще более ослабляет государство, в том числе и его возможности по защите прав собственности.

Таким образом, как справедливо отмечает Тамбовцев, оба приведенных варианта объяснения исходят из того, что «первичной» является слабая защищенность прав собственности, из которой вытекают негативные последствия как для исполнения государством его

нис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007).

⁷ Тамбовцев В.Л. Можно ли ожидать защиты прав собственности в России? // Проблемы экономической теории и политики / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», 2006. С. 374–401.

⁸ Ross M. The Political Economy of the Resource Curse // World Politics, January 1999, vol. 51. P. 297–322.

функций, так и для экономического роста. При этом у Росса необъясненным остается сам факт исходной плохой защищенности прав собственности: сложилась ли такая ситуация случайно либо она представляет собой закономерное последствие неких иных причин?

По мнению Тамбовцева, приведенные варианты объяснения связи между «бременем ресурсной обеспеченности» и медленным экономическим ростом через уровень защищенности прав собственности отнюдь не исчерпывают все возможные механизмы подобной связи. Согласно ему, причинно-следственный механизм, связывающий обеспеченность экономики природными ресурсами с низкими темпами экономического роста через уровень защищенности прав собственности (и шире — качество институциональной среды), может иметь следующую природу.

Обнаружение на территории страны богатого месторождения (месторождений) природных ресурсов, продажа которых на мировом рынке позволяет получать значительные доходы, концентрирует усилия государства на защите прав собственности именно вокруг этого актива, независимо от того, находится ли он в частном или государственном владении. При этом в силу ограниченности потенциала насилия государства, служащего целям защиты прав собственности, соответствующие усилия применительно к иным активам ослабляются. С позиции государства, такое ослабление вполне рационально, поскольку его доходы от защиты иных активов оказываются меньше, чем доходы от защиты прав собственности на актив торгуемых природных ресурсов.

Для того чтобы перераспределение усилий государства по защите прав собственности между активами, приносящими ренту, и активами, приносящими прибыль, после открытия источника ренты состоялось, решающими параметрами, по Тамбовцеву, являются:

- а) концентрированность источника ренты;
- б) относительные размеры ренты (по отношению к доходам государства от налогообложения создаваемой в стране стоимости);
- в) устойчивость демократической формы правления.

Уровень концентрированности источника ренты определяет издержки защиты прав собственности: чем больше концентрация, тем меньше соответствующие издержки и, следовательно, выше эффективность такой защиты. Кроме того, уровень концентрированности источника ренты определяет и трансакционные издержки присвоения этой ренты, такие как издержки администрирования налогообложения (если источник находится в частной собственности) и издержки контроля деятельности менеджеров (если источник находится в государственной собственности).

Так, если источник ценного торгуемого на мировом рынке ресурса — это одно крупное и богатое месторождение, издержки на «физическую» защиту прав собственности на него минимальны: достаточно просто надежно огородить относительно небольшую территорию и контролировать выход (такими свойствами обладают, скажем, месторождения алмазов). Если же ценный природный ресурс добывается на большой площади из многих мелких месторождений, издержки защиты существенно возрастают, так что государственная защита может стать неэффективной (например, выращивание кофе на небольших участках, широко разбросанных по территории).

Относительные размеры ренты от продажи природных ресурсов влияют на перераспределение усилий по защите прав собственности очевидным образом: малоценный источник доходов государства вряд ли может вызвать рациональный интерес государства к улучшению условий для его функционирования и развития. Поэтому, если доля экспорта сырья из концентрированного источника невелика по сравнению с экспортом перерабатывающих и других отраслей, перераспределение потенциала защиты прав собственности в пользу именно этого источника дохода вряд ли можно ожидать.

Устойчивость демократической формы правления, в отличие от двух предыдущих факторов, влияет на перераспределение усилий государства по защите прав собственности в противоположном направлении: чем устойчивее эта форма, тем меньше вероятность того, что после обнаружения богатого и концентрированного источника ренты государство ослабит свои усилия по защите прав собственности иных активов.

Дело в том, очевидно, что равномерная и высокая степень защиты прав собственности способствует росту благосостояния всех граждан, которые голосуют за тех политиков, кто в состоянии обеспечить такую защиту. Соответственно, вариант захвата власти группой, готовой сосредоточить усилия на извлечении ренты в своих частных интересах, оказывается в условиях существования устойчивых демократических традиций маловероятным. Поэтому обнаружение (или возникновение, как в случае, например, появления значительных выплат от прохождения через территорию страны, лишенной нефтяных или газовых месторождений, соответствующего трубопровода) источника ренты не приводит к ослаблению защиты прав собственности. Напротив, отсутствие таких традиций существенно повышает вероятность сосредоточений усилий правительства на охране источника ренты в ущерб защите прав собственности на иные активы.

Совокупное действие перечисленных факторов обуславливает низкую инвестиционную привлекательность практически всех

секторов экономики страны, которая не смогла преодолеть «проклятие ресурсов». Исключение может составить ее сырьевой сектор, если в стране не проводится политика так называемого «ресурсного национализма», которая, среди прочего, предполагает сознательное ограничение возможностей прямых иностранных инвестиций в добывающие отрасли экономики.

Рассмотренная выше концепция Тамбовцева отнюдь не бесспорна и сразу вызывает ряд вопросов. Во-первых, требование концентрации ресурсов не отвечает условиям нефте- и газодобычи во многих странах, не говоря уже о России, где соответствующие месторождения разбросаны по колоссальной территории (например, Республика Коми и Сахалин).

Во-вторых, концепция противоречит тому факту, что самая низкая защищенность прав собственности наблюдается как раз в нефтегазовом секторе (особенно если говорить о России, да и не только о ней). Правда, как видно из приведенного выше изложения концепции, ее автор не привязывает права собственности исключительно к частной собственности, что, с нашей точки зрения, принципиально неверно.⁹ Иначе можно говорить об очень высоком уровне защищенности прав собственности в бывшем СССР и прочих социалистических странах с абсолютным доминированием государственной собственности.

В-третьих, вызывает сомнения то обстоятельство, что отвлечение ресурсов государства на защиту прав собственности в экспортном ресурсном секторе оголяет ее защиту в остальных секторах. По всей видимости, это положение заимствовано у Росса и относится

---

⁹ Употребляемый экономистами термин «права собственности» относится только к частной собственности, эти права находятся в одном ряду с правами человека (индивида). Причем последние нередко трактуются как особые права собственности — собственность человека на свою личность с тем отличием от права собственности на вещи, что ему «не позволено продавать свое право на личное самоопределение, т.е. человек не может по собственной воле стать рабом» (Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. С. 106). Государство же рассматривается как обладатель лишь делегированных индивидами прав; изначально, в отличие от них как носителей «естественных прав», оно никакими правами не обладает. Только в рамках такой индивидуалистической концепции и обретает свой смысл сам термин «права собственности», которые в широком смысле являются правами самопринадлежности индивида. И только при таком их понимании возможно проводить межстрановые сравнения в отношении соблюдения («защищенности») прав собственности, поскольку тогда появляется некое универсальное представление об их идеальном состоянии, с которым сопоставляется реальное положение вещей.

оно только к пораженным гражданскими войнами отсталым африканским государствам. Там действительно, если правительственные войска защищают алмазные копи, на все остальное их может просто не хватить. В общем же случае (и в России, в частности) защита прав собственности обладает характеристиками общественного блага и, следовательно, ей в той или иной мере присуще несоперничество (добавление еще одного клиента не сильно снижает доступность блага для остальных).

Вряд ли, скажем, «дело ЮКОСа» в России есть результат того, что государству просто физически не хватило мощностей правоохранительной системы. Скорее, наоборот, у нее оказались избыточные мощности, поскольку, отрабатывая грандиозное по своим масштабам задание по развалу крупнейшей компании, она отнюдь не оказалась полностью парализованной. Ее одновременно «хватало» и на функционирование в обычном режиме.

Ресурсная рента и права собственности

Значительно более обоснованное соединение концепции погони за ресурсной рентой со слабой защищенностью прав собственности удалось, на наш взгляд, американским экономистам К. Гэдди и Б. Айкесу.¹⁰ Их подход представляет особый интерес, поскольку строится на основе анализа реального положения дел в России.

Начинают они с определения ренты. Она представлена ими как «выручка от продажи ресурса за вычетом издержек его производства».¹¹ В таком случае рента отождествляется с экономической прибылью, т.е. выручкой за вычетом экономических издержек, или, как определяют их экономисты, затрат упущенных возможностей (*opportunity costs*).¹² Надо заметить, что в эти затраты включается и так называемая «нормальная прибыль».¹³

---

¹⁰ Gaddy C.G, Ickes B.W. Resource Rents and the Russian Economy // Eurasian Geography and Economics. 2005. Vol. 46. № 8. P. 559–583.

¹¹ Ibid. P. 560.

¹² Предлагалось переводить этот термин не как затраты упущенных, а как затраты *отвергнутых* возможностей, поскольку речь идет о сознательном выборе субъекта из ряда альтернатив (Экономическая школа. 1993, вып. 3. С. 89–91). «Отвергнутая возможность» и образует экономические издержки (читатель этой книги несет потерю, например, в виде отказа от прогулки в выходной день; ценность последней и есть его издержки прочтения книги).

¹³ «Минимальная прибыль, которую фирма должна получить для продолжения своей деятельности» (Словарь современной экономической теории Макмиллана. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 361).

Далее авторы стараются определить то, что они называют «естественными затратами производства». Под ними они понимают «затраты, которые имели бы место, если бы отрасль была организована эффективно, то есть затраты, которые были бы в случае конкурентного рынка со свободным входом».¹⁴ Это важно, поскольку те затраты, о которых сообщается, могут быть раздуты. В результате величина ренты получится заниженной. Поэтому сообщаемые затраты (C_r) необходимо скорректировать на вероятную величину их «вздутия». В таком случае рента (R) определяется как

$$\pi = P_f Q - C_r. \quad (1.1)$$

Затем из доналоговой прибыли, по логике вещей, надо вычесть налоги. Однако Гэдди и Айкес отмечают, что в России важно деление налогов на формальную и неформальную части. Формальные — это те, что прописаны в законодательстве. К неформальным, наряду со взятками правительственным чиновникам, относятся различного рода «добровольно-принудительные» пожертвования на инфраструктурные проекты, социальные нужды, культурно-зрелищные мероприятия и т.п.¹⁵ Обозначив формальную налоговую ставку как долю прибыли через τ , а неформальную — через τ' , можно определить посленалоговую прибыль как

$$\pi^t = (1 - \tau - \tau')\pi, \quad (1.2)$$

где π^t — это то, что остается от ренты владельцам предприятия. Остальная часть ренты распадается на четыре упомянутые выше части: завышенные затраты, ценовые субсидии, формальные налоги и неформальные налоги. На каждую из этих частей есть свои претенденты. Таким образом, в итоге суммарная рента делится на пять частей, и на этом дележе основывается вся политическая экономия общества, базирующегося на ресурсах.

Полезно представить все вышесказанное о ренте и ее разделе в виде диаграммы, которую используют Гэдди и Айкес (рис. 1.1).

¹⁴ Gaddy C.G, Ickes B.W. Op. cit. P. 560.

¹⁵ Эта «тройственная» система налогообложения в России была отмечена Л. Бляхером. «Предприниматель платит трижды. Первый раз — налог, приближающийся к 30% номинальной ставки. Второй раз он оплачивает чиновников, предоставляющих декларированные властью услуги... И, наконец, третий раз он финансирует социальные программы, призванные продемонстрировать заботу власти о населении» (Бляхер Л. «Презумпция виновности». Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra, 2002, № 3. С. 87).

Заметим, что соотношение частей ренты выбрано авторами произвольно, расчетов их долей не производилось (такой метод экономисты называют «стилизрованными фактами»). В то же время в их работе приводятся реальные оценки суммарной величины ренты.

Расчет нефтегазовой ренты показал наличие двух пиков. Первый относится к 1981 г. (рента превысила 40% ВВП), второй — к 2005 г. (рента составила 25% ВВП). В 1981 г. рента составила 250 млн долл. (в долларах 2005 г.). Затем наблюдалась общая тенденция к ее снижению в течение 17 лет вплоть до достижения «дна» в 25 млн долл. в 1998 г., причем тенденция эта была особенно ярко выражена в первые 5 лет этого периода. С 1999 г. начался ее рост, и в 2005 г. она приблизилась к 200 млн долл. (оценок за 2006 г., естественно, нет, но, судя по всему, она подошла к пику 1981 г.). При этом последние годы рос удельный вес газовой ренты, достигнув в 2005 г. примерно трети от суммарной ренты.¹⁶

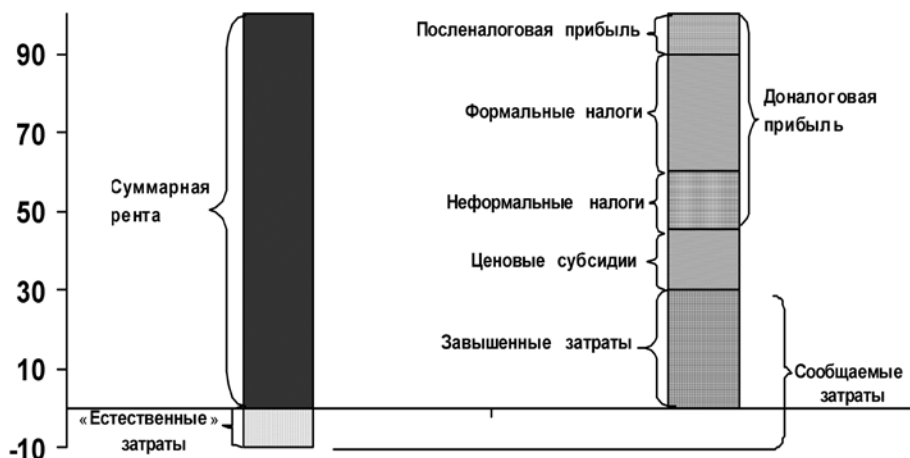

Рис. 1.1. Суммарная выручка и ее компоненты.

Эти данные, в принципе, могут свидетельствовать в пользу утверждения: «больше ренты — больше этатизма; меньше ренты — меньше этатизма».¹⁷ Если следовать приведенному в сноске постулату Мизеса, то можно сказать, что первый пик ознаменовал торжество «развитого социализма», второй сопровождается нарастанием государственного

¹⁶ Gaddy C.G, Ickes B.W. Op. cit. P. 562.

¹⁷ «Этатизм предстает сразу в двух ипостасях: социализма и интервенционизма» (Мизес Л. фон. Всемогущее правительство: тотальное государство и тотальная война. Челябинск: Социум, 2006. С. 63).

интервенционизма. Тогда как в промежутках между этими пиками произошел крах социализма и были заложены основы рыночного порядка и демократических институтов.

В дальнейшем Гэдди и Айкес анализируют выявленные ими компоненты ренты. Они показывают возрастающую роль нефтегазовой ренты в формировании федерального бюджета РФ и делают вывод относительно роли увеличения посленалоговой прибыли. Рост ее абсолютных величин вслед за повышением цены нефти и, как следствие, рост котировок ценных бумаг нефтяных компаний оказались теми стимулами, которые радикально изменили их поведение (в частности, упоминается ЮКОС). «Раздевание активов» стало невыгодным (так сказать, себе дороже), выгодным стало эффективное управление.

Наибольший интерес представляют, однако, компоненты неформальной составляющей. «Подобно части айсберга, скрытой под водой, неформальные составляющие ренты могут оказаться наиболее важными с точки зрения оценки текущих и будущих экономических и политических событий».¹⁸ Гэдди и Айкес приводят в качестве примера часто встречающийся тезис о том, что падение мировых цен на нефть не повлияет на базовый российский бюджет, а выразится только в сокращении стабилизационного фонда. Это на самом деле так, но если принимать во внимание лишь формальные налоги. У неформальной части своего стабилизационного фонда нет; тем не менее, ее политико-экономическая роль значительно больше «надводной части» рентного айсберга.

Опустим взятки и прочие неформальные налоги, остановимся на ценовых субсидиях. Внутренняя цена нефти в России находится где-то в промежутке от 31% до 46% мировой цены.¹⁹ Цена ее поставок в страны СНГ находится где-то посередине между внутренней российской ценой и мировой ценой. Примерно такая же схема работает в отношении цен на газ.²⁰ Из этих фактов понятно, что снижение мировой цены вряд ли снизит внутреннюю цену, но уж точно сократит возможности российских ценовых манипуляций ради сохранения влияния на импортирующие нефть и газ страны СНГ.

Что касается завышенных затрат, то Гэдди и Айкес обращают здесь внимание на такой, казалось бы, необъяснимый из элементарных экономических расчетов факт. Доставка нефти железнодорожным транспортом в несколько раз дороже ее доставки по нефтепроводам. И, тем не менее, начиная с 2000–2001 гг. «Уралвагонзавод»

¹⁸ Gaddy C.G, Ickes B.W. Op. cit. P. 565.

¹⁹ К началу 2007 г. эта доля уменьшилась примерно до 25–26% (см. сноску 15).

²⁰ Gaddy C.G, Ickes B.W. Op. cit. P. 565–566.

(основной производитель танков в советскую эпоху) оказался буквально заваленным заказами на производство железнодорожных нефтяных цистерн.

Известное экономистам явление под названием «голландская болезнь» сокращает производство «торгуемых товаров» (то есть тех, которые испытывают конкурентное давление со стороны зарубежных поставщиков) в отечественной обрабатывающей промышленности в силу удорожания национальной валюты, но некоторые производства, связанные с нефтедобычей и поставками нефти, как мы видим, могут процветать. Причем, как замечают Гэдди и Айкес, в данном случае наблюдается не «голландская», а «русская болезнь», ибо экономической логики (конечно, если строить ее на тривиальных допущениях) тут никакой нет. Однако мы увидим далее, что этот парадоксальный скачок выпуска цистерн есть ключ к разгадке особенностей состояния прав собственности в России.

Рассматривая упомянутый выше период 17-летнего падения цен на нефть, Гэдди и Айкес пришли к выводу, что падения ренты не хватило на радикальную трансформацию экономики. Ренту и ее раздачу поддерживала газовая отрасль; в результате, несмотря на сжавшийся объем ренты, претенденты на нее сохранились. И после подъема цен на нефть они стали предъявлять свои права.

В то же время раздача ренты рассматривается как инвестиция не уверенными в правах собственности (их наличие *де-юре* еще не означало их защищенности *де-факто*) нефтегазовыми компаниями в так называемый «отношенческий капитал», то есть передачу части ренты тем, от кого зависело сохранение обладания активами. Интересы последних требовали такого рода «инвестиций» как в пользу отдельных секторов экономики, так и в пользу влиятельных официальных лиц непосредственно.

Гэдди и Айкес полагают, что в момент прихода Владимира Путина к власти «олигархи» были близки к «покупке государства».²¹

²¹ Именно вторая половина 1990-х гг. дала повод говорить о «захвате государства» (имеется в виду захват частными интересами, со стороны так называемых «олигархов»). Наибольшую известность приобрела вышедшая в 2000 г. публикация видных экономистов Всемирного банка Дж. Хеллмана, Г. Джонса и Д. Кауфмана. В предисловии они писали следующее: «После всего лишь десятилетия перехода, страх перед *государством-Левиафаном* сменился беспокойством относительно могущественных *олигархов*, которые манипулируют политиками, формируют институты и контролируют средства массовой информации в целях продвижения и защиты своих собственных империй за счет общественных интересов» (Hellman J.S., Jones G., Kaufman D. «Seize the State, Seize the Day». State Capture, Corruption and Influence in the Transition // World Bank Policy Research. Working Paper № 2444, September 2000. P. 1).

Перед ним стояла задача устранить рычаги их влияния. Поскольку они активно покупали администрации на уровне регионов, то Путин выбрал устранение самого механизма такого влияния через губернаторов.²²

Новый режим не стремился ликвидировать неформальное распределение ренты, поскольку эта система давала ему необходимую гибкость в определении направлений рентных потоков. «Цель была *централизовать* неформальное распределение ренты с тем, чтобы его контролировать».²³ Таким образом, прежняя схема постепенно, шаг за шагом трансформировалась в централизованную схему неформального распределения ренты, не допускающей плюрализма центров влияния. От «олигархов» по-прежнему требовались постоянные инвестиции в сохранение прав собственности, но сосредоточивались эти потоки уже в едином центре. Можно сказать, что путинский режим собрал неформальную часть ренты в кулак.

Вместе с тем, решение задачи централизации неформальной ренты и ее распределения одновременно создает, как отмечают Гэдди и Айкес, три проблемы. Во-первых, непрозрачность означает неэффективность, проблема завышенных затрат только обострилась. Во-вторых, выделяется проблема тяжелого налогового бремени. Формальные налоги на компании в секторе природных ресурсов и так рассматриваются как «карательные».²⁴ Если же добавить к ним не-

---

Вряд ли они тогда предвидели возвращение Левиафана. Кроме того, заметим, что «купить государство», подобно автомобилю или квартире, нельзя. Его приходится «покупать» постоянно (это более всего напоминает аренду, а не покупку самого актива). И, главное, сама необходимость делать это говорит о том, что государство покупателю не принадлежит. Следовательно, таковой, в лучшем случае, является очень влиятельным бизнесменом (магнатом), но никак не олигархом, поскольку последний сам есть государство и ему нет никакого смысла его покупать (оно и так в его распоряжении).

²² Очевидно, Гэдди и Айкес имеют в виду устранение губернаторов из Совета Федерации и, в конечном счете, их выборности.

²³ Gaddy C.G, Ickes B.W. Op. cit. P. 571.

²⁴ В 2005 г. нефтяные доходы составляли 14% ВВП России, из них 6% приходилось на вывозные пошлины (ВП), 4,5% — на налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и 3,5% — на налогообложение прибыли предприятий и дивидендов (Российская Федерация. Отдельные вопросы. Доклад МВФ по стране № 06/430. Декабрь 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2006/rus/cr06430r.pdf>. С. 16).

ВП взимаются с нефти по возрастающей ставке с превышения ценой нефти маржи «Юралс» порога в 15 долл. за баррель (35% с превышения в пределах от 15 до 20 долл. за баррель, 45% от 20 до 25 долл. за баррель и 65% с превышения ценой 25 долл. за баррель). Эти ставки действуют с августа 2004 г. Ранее ставка составля-

формальные налоги и ценовые субсидии, то стимулы инвестировать в будущее становятся совсем слабыми.

И, наконец, третья, наиболее серьезная, проблема. Вся схема требует преднамеренного ослабления прав собственности. Владельцы с защищенными правами собственности не имеют причин инвестировать в «отношенческий капитал», т.е. делиться рентой. Необходимы достоверные угрозы экспроприации, чтобы такая модель поведения работала.

Энергетический сектор для своего успешного развития особо нуждается в частной собственности с защищенными правами на нее. Если эти права не защищены, то происходит искажение временной перспективы: деловой горизонт сужается, и допускается перекокс в пользу текущей добычи в ущерб перспективе. Гэдди и Айкес показали, как такое искажение происходит в России.

ла 35% с превышения в пределах от 15 до 25 долл. за баррель и 40% за цену свыше 25 долл. за баррель.

НДПИ представляет собой платеж «роялти», который взимается со всей добытой нефти по ставке 22% с превышения ценой нефти марки «Юралс» цены в 9 долл. за баррель. Эта ставка действует с 1 июля 2005 г., в 2003 г. она была 18,5%, в 2004 г. — 18,8% и до 1 июля 2005 г. — 21%.

В итоге ужесточения налогообложения в условиях роста цен на нефть предельные налоговые ставки в отношении цен на нефть (с каждого дополнительно вырученного рубля или доллара) составили почти 90% (Российская Федерация. Консультации 2006 г. в соответствии со статьей IV — Доклад персонала; сообщение персонала; информационное сообщение для общественности относительно обсуждения на Исполнительном совете. Доклад МВФ по стране № 06/429. Декабрь 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2006/rus/cr06429r.pdf>. С. 12). В январе-марте 2007 г. цена экспортируемой нефти без учета экспортной пошлины и налогов составляла 15,9 долл. за баррель, а в первом квартале 2006 г. — 18,8 долл. за баррель (Ребров Д. Нефтекомпании попали под «ножницы Кудрина» // Коммерсантъ, 25 апреля 2007. С. 2).

Таким образом, борцы за возвращение нефтяной ренты народу (см., например: Львов Д.С. Вернуть народу ренту. М.: Изд-во Эксмо, изд-во Алгоритм, 2004) фактически воевали не с теми, кто ее получал. Не зря в последние год-два усилия сторонников расходования нефтяной ренты переключились на выдвижение различных проектов использования Стабилизационного фонда (Дмитриева О. Формирование стабилизационных фондов: предпосылки и следствия // Вопросы экономики, 2006, № 8. С. 17–30).

Надо заметить, что, в конце концов, старания лоббистов, направленные на присвоение нефтяной ренты, завершились успехом: президент В. Путин в своем Послании Федеральному собранию РФ в апреле 2007 г. наметил ряд высокочрезвычайных проектов за счет средств, накопленных к тому времени в Стабилизационном фонде (Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Российская газета, 27 апреля 2007).

Ключевым в их концепции является установление связи между темпом извлечения природного ресурса и безопасностью прав собственности. Обычно темп, с которым фирма извлекает ресурс, зависит от издержек производства, текущих и будущих цен и процентной ставки. Гэдди и Айкес дополняют этот набор состоянием прав собственности. При этом они рассматривают изменения последнего, оставляя неизменными все прочие параметры.

При полном несоблюдении прав собственности частная фирма не станет ничего производить. Если же гарантированность прав собственности превышает какой-то минимальный пороговый уровень, то фирма находит приемлемым начать производство. Вместе с тем, она будет извлекать ресурс высокими темпами, так как ее ставка дисконтирования велика.²⁵ По мере роста гарантированности прав собственности, ее ставка дисконтирования уменьшается и темпы извлечения ресурса снижаются вплоть до достижения оптимального баланса между текущим и будущим производством.

Отношения между темпом извлечения ресурса и состоянием прав собственности формализованы на рис. 1.2. Предполагается, что мы можем ранжировать защищенность прав собственности (P) на оси абсцисс — от 0 до некоего состояния идеальной защищенности (P^*). Каждому значению P отвечает свой оптимальный темп извлечения ресурса — $d(P)$.²⁶ Для $P < P_0$ оптимальный темп извлечения ресурса [$d(P) = 0$] (производство вообще не будет иметь место при такой высокой вероятности конфискации). Существует некая пороговая (минимальная) степень защищенности прав собственности (P_0), с которой добыча начинается.

Если $P = P^*$, то темп извлечения будет таким, который максимизирует дисконтированную стоимость продукции (при данных ценах и пр.). Как же ведет себя $d(P)$ в интервале от P_0 до P^* ? Гэдди и Айкес считают ключевым результатом своего исследования тот установленный ими факт, что при продвижении от P_0 до P^* темпы извлечения ресурса убывают. Это означает, что рост защищенности прав собственности обеспечивает увеличение ценности извлекаемых ресурсов за счет оптимизации распределения ресурсов между текущим и будущим производством (например, между нефтедобычей из имеющихся скважин и разработкой новых месторождений).

²⁵ Ставка дисконтирования есть некий норматив, на основе которого экономический субъект приводит ценность будущих благ к их ценности в настоящем периоде (к так называемой «дисконтированной стоимости»). Чем выше ее величина, тем ниже ценятся блага в будущем периоде по отношению к настоящему периоду.

²⁶ На математическом языке это означает, что оптимальный темп извлечения ресурса есть функция от защищенности прав собственности.

Важно обратить внимание также на то, что уровень P для каждой отдельной фирмы зависит не только от общего состояния прав собственности в стране, но и от «специфического компонента фирмы». Под последним понимаются инвестиции фирмы в «отношенческий капитал» через неформальные налоги, завышенные затраты, ценовые субсидии, то есть раздачу ренты (*rent-sharing*) фирмой. При выборе «правильных» направлений ее раздачи фирма в состоянии увеличить свою индивидуальную защищенность и продвинуться вправо по оси абсцисс (ближе к P^*).

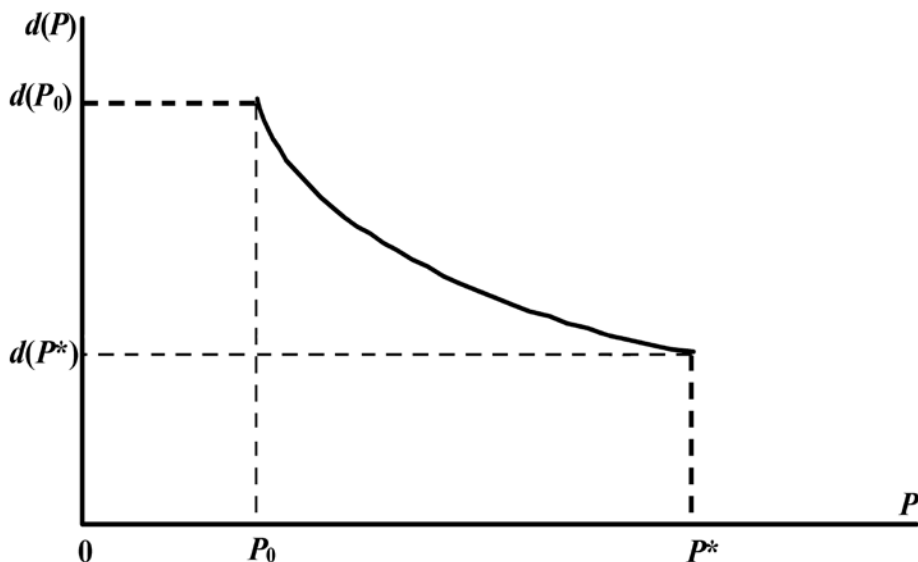

Рис. 1.2. Оптимальный темп извлечения и права собственности.

При наличии обозначенной на рис. 1.2 кривой оптимальных темпов извлечения ресурсов, каждое значение в интервале $[P_0, P^*]$ представляет также определенную агрегированную дисконтированную стоимость общего объема извлекаемого фирмой ресурса. Нахождение в любой точке левее P^* представляет потерю части этой стоимости по сравнению с ее максимумом, достигаемым при $d(P^*)$. Отсюда решение фирмы о том, сколько инвестировать в защиту прав собственности (иначе говоря, в «отношенческий капитал»), будет строиться на сопоставлении стоимости этих инвестиций, с одной стороны, и выгод (прироста агрегированной дисконтированной стоимости добываемого ресурса), вытекающих из продвижения вправо по оси абсцисс, — с другой.

Важно понимать, что на рис. 1.2 представлена ситуация с защищенностью прав собственности отдельной фирмы, а не в национальной экономике в целом. В каждый данный момент времени различные фирмы могут находиться в разных точках на интервале $[P_0, P^*]$. Картина оптимальных темпов извлечения ресурса и защищенности прав собственности на национальном уровне будет существенно иной. Это объясняется, в частности, тем, что не все фирмы смогут выйти на уровень P_0 в одно и то же время, а это означает отсутствие непрерывности в кривой оптимальных темпов извлечения ресурса. Агрегированная на национальном уровне, эта кривая будет зависеть и от местонахождения отдельных фирм в интервале $[P_0, P^*]$. В целом же можно сказать, что нелегко вывести национальную кривую оптимальных темпов извлечения ресурсов, если, во-первых, имеют место значительные вариации в «специфических компонентах фирм» и, во-вторых, когда одна или две фирмы являются настолько доминирующими, что их индивидуальные значения P определяют ситуацию в целом.

Гэдди и Айкес предостерегают от ошибки, связанной с рассмотрением «защищенности прав собственности» как универсальной характеристики национальной экономики. Такая характеристика, несомненно, имеет право на существование. Однако надо помнить, что она может скрывать под собой громадные различия в «специфических компонентах фирм», определяемых их инвестициями в защиту прав собственности.

Авторы иллюстрируют свои теоретические рассуждения относительно связи темпов извлечения ресурсов с правами собственности с помощью следующего примера. В России всю нефть можно, условно говоря, разделить на «старую» нефть и «новую» нефть. «Старая» нефть — это невыбранная нефть с освоенных месторождений Западной Сибири. «Новая» нефть — это нефть с неразработанных месторождений Восточной Сибири.

Российские компании проводили две разные политики по отношению к «старой» и «новой» нефти в зависимости от формы собственности. На «новую» нефть ориентировались государственные компании и компании, контролировавшиеся инсайдерами советской эпохи. На «старую» нефть нацеливались ЮКОС и «Сибнефть». Государственные и квазигосударственные компании полагали, что старые нефтяные поля исчерпаны. Новые частные собственники считали по-другому. Они внедрили новые зарубежные технологии и стали добывать «старую» нефть.

Гэдди и Айкес полагают, что главной причиной выбора частными компаниями «старой» нефти было то, что ее можно было быстрее

извлечь, несмотря на высокие затраты. Частные компании обладали менее защищенными правами собственности и, следовательно, их ставка дисконтирования была выше. Более высокая ставка дисконтирования означала, что ценность «новой» нефти для них ниже, чем для государственных компаний. Когда в наличии неопределенность относительно прав собственности, то оптимальной тактикой является извлекать то, что есть, а не разрабатывать новые месторождения в расчете на будущее.²⁷

Аналогичные аргументы применяются и к вопросу о транспортировке нефти. Мощности трубопроводов были ограничены. Тот же ЮКОС не мог транспортировать всю добываемую им нефть через них. В результате он активно использовал железнодорожный транспорт (отсюда и вышеупомянутый стремительный рост заказов на железнодорожные цистерны), несмотря на то, что баррель нефти обходился при этом на 6–8 долл. дороже, чем при поставках через трубопроводы.

Как вела бы себя уверенная в правах собственности компания на месте ЮКОСа? Она снизила бы темпы извлечения ресурса в расчете на выигрыш за счет экономии в перспективе на более дешевой транспортировке. Однако ЮКОС не был уверен в будущем. Фактически, его лозунг был: «Сейчас или никогда». И, как мы теперь знаем, эта неуверенность в собственных перспективах была оправданной.

Гэдди и Айкес приходят к следующему выводу: «Слабозащищенные права собственности подразумевают высокую ставку дисконтирования, которая, в свою очередь, ведет, во-первых, к более быстрому извлечению ресурса в ущерб разработке новых месторождений,

---

²⁷ Описанное выше Гэдди и Айкесом поведение частных нефтедобывающих компаний в России подтверждается и апологетами концепции «энергетической сверхдержавы». Например, К. Симонов пишет об их деятельности следующее: «В итоге работа велась на так называемых brown-fields (т.е. давно открытых и хорошо освоенных месторождениях с промышленной добычей нефти и развитой инфраструктурой), в то время как в greenfields (месторождения с доказанными запасами нефти, где необходимо создавать всю добывающую и транспортную систему — т.е. проекты «с нуля») инвестиций не делалось вообще. Потому что нужно было получить краткосрочную отдачу от полученных за бесценок от государства месторождений» (Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. М.: Алгоритм, 2006. С. 78). Вызывает возражение здесь только утверждение о «полученных за бесценок». С учетом российской политической обстановки и развала производства «красными директорами», столь безапелляционный вывод вряд ли оправдан. Характерно, что в период «залоговых аукционов» никто из зарубежных нефтегазовых гигантов даже не заикнулся о своем желании в них участвовать.

во-вторых, к использованию более дорогостоящих средств транспортировки с тем, чтобы реализовать добытое».²⁸

В заключительной части работы Гэдди и Айкес анализируют перспективы государственных решений с помощью разработанной выше модели «темпы извлечения ресурса — права собственности». В статике для государства проблема выглядит как нахождение баланса между степенью защищенности прав собственности для частных фирм и величиной ренты, которую государство сможет или прямо контролировать, или выдавливать из частных фирм. Чем слабее права собственности, тем выше темпы извлечения ресурса, а значит, и тем больший объем ренты будет произведен в текущем периоде. В то же время менее защищенные права собственности вынуждают фирму в большей мере делиться рентой с целью гарантировать некоторую безопасность и защиту от экспроприации. Для руководящего центра это означает большие доходы. Следовательно, оптимальным решением этого центра в коротком периоде является нахождение каждой фирмы на минимальном пороге защищенности прав собственности (в точке P_0 на рис. 1.2).

Однако такое статическое решение является близоруким. Дальновидный лидер может заметить межвременное измерение проблемы. Более высокие темпы извлечения ресурса означают меньшие инвестиции в новые месторождения. Ослабление прав собственности сокращает временной горизонт нефтедобытчиков и в результате приводит к тому, что в течение длительного периода добывается меньше нефти. Отклонение темпов изъятия от имеющихся при P^* означает, как было установлено выше, снижение современной ценности добываемой нефти. Таким образом, руководящий центр сталкивается с дилеммой: доход сегодня против дохода завтра. Решение ее зависит от выбранной им ставки дисконтирования.

Для государственного лидера с перспективным видением может оказаться, что решение дилеммы достигается в P^* : максимизируются как долгосрочная жизнеспособность энергетического сектора, так и долгосрочные формальные налоговые доходы. Это решение обеспечило бы энергетическое будущее России, а любая нехватка доходов в настоящем могла бы быть покрыта заимствованиями под будущие доходы и прямыми иностранными инвестициями, которые привлекались бы в результате 100%-процентной гарантии прав собственности. Однако оно наталкивается на одну абсолютно неприемлемую для российской власти вещь — перспективу утраты контроля.

---

²⁸ Gaddy C.G, Ickes B.W. Op. cit. P. 575.

Принципиально важным здесь является тот факт, что энергетический сектор имеет решающее значение для экономики России.²⁹ Представим, как пишут Гэдди и Айкес, что власть выбрала решение P^* . При абсолютной защищенности прав собственности влияние этого сектора существенно превзойдет государственное. Олигархи оказались бы в состоянии покупать целые фракции в Госдуме и стать независимой властью. Для них тогда не составило бы труда снизить официальное налогообложение отрасли. При том, что нефть и газ имеют такой большой удельный вес в создании ренты, абсолютная защищенность прав собственности означала бы, по мнению Гэдди и Айкеса, уступку государства олигархам.

Следовательно, для российской власти возникающая крайняя асимметричность экономической власти исключала оптимальное решение (P^*). Одновременно это означало непрерывное отклонение от оптимальной производственной траектории. Проблема избыточного изъятия текущих резервов и низких инвестиций в будущее остается фундаментально не решаемой в рамках схемы, которая допускает частную собственность в нефтегазовой отрасли, но не может обеспечить ее гарантии из страха потерять политический контроль.

Таким образом, заключают Гэдди и Айкес, если ни частное владение со слабозащищенными правами собственности, ни гарантированная частная собственность не служат целям руководства, то единственной альтернативой является еще больший государственный контроль. И это — наиболее тревожный выбор из всех альтернатив. Он ведет к цепочке нефтяных кризисов, главным образом потому, что центральный орган не в состоянии обрабатывать достаточно информации — не говоря уже о том, чтобы собирать или стимулировать правдивое ее раскрытие — для оптимального решения об инвестициях в энергетический сектор. Без обратных рыночных связей трудно узнать, нужно ли инвестировать больше в текущую добычу или развитие.

Однако ключевой проблемой становится та, что плановый орган принимает только одно решение. Рыночная конкуренция же

²⁹ Министр финансов РФ А. Кудрин отмечал, что в последние годы зависимость российского бюджета от нефтегазовых доходов существенно выросла: в 2002 г. доходы от нефтегазового сектора составляли 23,4%, в 2005 г. — 45% (Кудрин А. Механизмы формирования нефтегазового баланса бюджета России // Вопросы экономики. 2006, № 8. С. 49. С. 4). Надо сказать, что официальная статистика занижает долю нефтегазового сектора в ВВП России. В докладе Всемирного банка (февраль 2004 г.) был произведен соответствующий перерасчет. В результате пересчета структуры ВВП доля этого сектора выросла почти втрое — с 9% до 25% (Доклад об экономике России — февраль 2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ns.worldbank.org.ru./files/rer/RER_7_rus.pdf. С. 18).

предполагает выбор множества путей, и чем более разнообразен выбор, тем выше вероятность того, что правильное решение будет найдено и ошибки не будут сделаны в колоссальных масштабах.³⁰

Концепция Гэдди-Айкеса строится на допущении, что в самом начале XXI века российское государство оказалось перед выбором: стать «комитетом» по продвижению интересов «олигархов» или встать над «олигархами» (включая не просто их «усмирение», но и, прежде всего, вытеснение частной собственности в нефтегазовой отрасли собственностью государственной). Как мы увидим далее, эту дилемму развивают В. Полтерович, В. Попов и А. Тонис.³¹ Поскольку обзор их подходов нам еще предстоит, то отложим ее обсуждение и перейдем к другим составляющим концепции Гэдди-Айкеса.

При всей ее стройности вызывает некоторое сомнение утверждение относительно «старой» и «новой» нефти. Во-первых, заметим, версия большей затратности добычи «старой» нефти вряд ли может найти подтверждение. Скорее, наоборот. Затраты на новые технологии, позволяющие выжимать невыбранную в советское время нефть, значительно уступали затратам на работу на новых месторождениях с учетом необходимости создания на них практически с нуля необходимой инфраструктуры.³²

Во-вторых, работа государственных и квазигосударственных компаний на новых месторождениях Восточной Сибири, очевидно, связана не только с тем обстоятельством, что они полагаются на перспективу в силу большей уверенности в своем статусе. Такое устрем-

---

³⁰ Заметим, что для развала не требуется возрождать государственное хозяйство в социалистических масштабах. Достаточно взглянуть на работу государственного монополиста РАО «Газпром». В 2003–2006 гг. «Газпром» израсходовал на покупку активов в секторах, не связанных с газодобычей, примерно 18 млрд долл. Это больше, чем все капитальные вложения компании в развитие газодобычи за последнее десятилетие (Милов В. Может ли Россия стать энергетической сверхдержавой? // Вопросы экономики. 2006, № 9. С. 25). Более подробно экономическая неэффективность «Газпрома» рассмотрена в статье того же Милова (Милов В. Газовый президент // Новая газета, 2005, № 97) и статье В. Волкова (Волков В. «Газпром»: рискованная стратегия // Pro et Contra, 2006, № 2–3. С. 86–90).

³¹ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Указ. соч.

³² В этом плане стоит доверять данным такого противника частного бизнеса в нефтяной добыче, как уже упомянутый ранее Симонов. Называя период доминирования частных компаний «эпохой варваров», он пишет об их цели как получения максимальной прибыли за счет резкого роста добычи и минимизации издержек в ущерб правильному циклу эксплуатации (Симонов К.В. Указ. соч. С. 77). Это вполне укладывается в логику рассуждений Гэдди и Айкеса. При этом понятно, что выбор осуждаемой Симоновым стратегии поведения целиком лежит на совести государства, не сумевшего (да и не желавшего) продемонстрировать достоверную приверженность соблюдению прав собственности в длительной перспективе.

ление вполне может оказаться одной из форм облегчения завышения затрат (приращения той самой составляющей ϵ) под предлогом трудностей освоения. Кроме того, менеджеры государственных компаний часто склонны к оппортунистическому поведению (пренебрежению интересами компании ради сиюминутной личной выгоды). Поэтому они могут сознательно выбирать не самые дешевые варианты (в отдельных случаях, например, не исключаются даже откаты от поставщиков в свой карман).

В-третьих, в силу особенностей российской приватизации и организации выдачи лицензий на освоение и эксплуатацию месторождений, а также в силу просто случайных факторов и наследия социалистической эпохи, территориальное размещение нефтяных компаний по месторождениям во многом не являлось результатом их рационального выбора. Так, тот же ЮКОС имел доступ к месторождениям в Эвенкии (Восточная Сибирь) и даже планировал по этой причине строить нефтепровод до китайского города Дацина.

Однако вышеперечисленные сомнения относительно выбора между «старой» и «новой» нефтью не отвергают тот факт, что Гэдди и Айкес первыми показали логическую цепочку отторжения частной собственности в ресурсном секторе, если таковой дает существенную часть национального дохода и приносит значительную долю поступлений в бюджет. Этой схеме рассуждений не противоречит даже опыт такой страны с развитыми демократическими и рыночными институтами, как Норвегия, где с самого начала нефтедобыча была передана в руки государственной компании «Статойл».

Что порождает госсобственность?

Полтерович, Попов и Тонис продолжают линию рассуждений Гэдди и Айкеса в том, что пытаются показать связь между ресурсным изобилием и активным государственным вмешательством вплоть до национализации предприятий нефтегазового сектора.³³ Отталкиваются они от особенностей природных ресурсов как товаров, которые определяют специфику их рынков.

Во-первых, подчеркивается технологическая и экономическая целесообразность крупных предприятий в добыче нефти и газа. Во-вторых, государство связывает ее с проблемами безопасности, а общественное мнение рассматривает эти ресурсы как национальное достояние. В-третьих, инвестиции и наиболее качественная рабочая сила направляются в добывающий сектор, который, как считается,

³³ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Указ. соч. С. 7–10.

не создает сильных экстерналий (в данном случае имеются в виду положительные внешние эффекты) для других отраслей. Кроме того, агенты рынка обладают недостаточно длинным горизонтом планирования. В-четвертых, простота технологии снижает эффективность привлечения иностранного капитала и обуславливает легкость его вытеснения государством.

По мнению вышеуказанных авторов, все перечисленное объясняет, почему в большинстве стран, изобильных ресурсами, добывающий сектор целиком или в значительной степени национализирован. В то же время они оценивают национализацию неоднозначно. «...Национализация может быть верным решением при хороших институтах, эффективном государстве. Однако для стран с высоким уровнем коррупции и низкой эффективностью правительства чрезмерная роль государства может затруднить диверсификацию и привести либо к расхищению средств, либо к созданию государства-рантье, неспособного к развитию».³⁴

С нашей точки зрения, национализация даже при хороших институтах и эффективном государстве вряд ли целесообразна. Национализированная нефтедобыча в Норвегии довольно эффективна, но наряду с ней в последние годы появляются и частные, не менее (а то и более) эффективные фирмы. Британские нефть и газ в Северном море добывают исключительно частные фирмы. То же можно сказать, например, и про добычу нефти в США (третью в мире по объемам после России и Саудовской Аравии) и в ряде других мест Земного шара. Можно утверждать, что национализированное производство само по себе далеко не самый качественный институт.

Что же касается перечисленных выше четырех причин, сдвигающих добычу нефти и газа в направлении к огосударствлению, то здесь надо сказать, что некоторые из них, в лучшем случае, так или иначе облегчают огосударствление, но не оправдывают его. Однако чаще всего они просто служат предлогом для него.

Начнем с технологической и экономической целесообразности крупных предприятий. Если это действительно так, рыночные слияния и поглощения обеспечат нужный масштаб производства. Однако необходимость крупных предприятий еще не свидетельствует о необходимости государства. Они вполне успешно управляются частным бизнесом. Известные во всем мире частные нефтяные компании обычно входят в число крупнейших глобальных корпораций.

Перейдем далее к соображениям безопасности, а также оценки ресурсов в качестве национального достояния. Начнем с первого.

---

³⁴ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Указ. соч. С. 70–71.

«Минеральное топливо (нефть, газ, уголь), — пишут Полтерович, Попов и Тонис, — составляющие значительную часть сосредоточенных ресурсов, прямо или косвенно используется не только практически всеми отраслями производства, но и всеми потребителями. От его поставок зависят темпы роста и благосостояние населения. Кроме того, оно абсолютно необходимо современным силовым структурам. Заменить его практически ничем».³⁵

Для того чтобы почувствовать слабость такой аргументации, поставьте на место слов «минеральное сырье», скажем, слово «продовольствие». И у вас будет готова аргументация для национализации предприятий всего агропромышленного комплекса. Термин «безопасность» просто стал жупелом, который использует бюрократия для обретения контроля над теми или иными активами. В России, например, этой цели также служит бессмысленный термин «стратегический». Как только та или иная отрасль или производство выйдут на приличный уровень рентабельности, то правящая клика тут же стремится объявить их продукцию «стратегической» в целях постановки потока доходов под свой контроль. Получается что-то вроде игры в «пятнашки» или вручения «черной метки».³⁶

Что касается общественного мнения, склонного рассматривать природные ресурсы как общенациональное достояние, то это действительно серьезный фактор, поддерживающий огосударствление. Если обратиться к опросам общественного мнения в России, то они со всей очевидностью говорят об этом (табл. 1.1).

В то же время частные добывающие компании вполне могут работать и без покупки в собственность нефтегазоносных участков, на правах их длительной аренды. Эта уступка общественному мнению, конечно, не имеет под собой никаких чисто экономических оснований. Наилучшим вариантом, с точки зрения экономической логики, было бы владение компаниями этими участками, что при наличии уверенности в приверженности государства к соблюдению прав собственности обеспечило бы оптимальный выбор ими скорости и полноты извлечения ресурса. Однако их длительная аренда — это решение типа «второе лучшее» (субоптимальное решение, когда

³⁵ Там же. С. 8.

³⁶ Наиболее показательной в этом плане явилась история с ОАО «ВСМПО–Ависма» — успешной частной корпорацией, владельцам которой было сделано «предложение, от которого нельзя отказаться». После чего государство в лице ФГУП «Рособоронэкспорт» стало владельцем 66% акций ведущего производителя титана (30% мирового производства) и магния. Подробнее о наступлении государства на частный бизнес в России, включая нефтегазовый, см.: Российская экономика в 2006 г. Тенденции и перспективы. (Выпуск 28). М.: ИЭПП, 2007. С. 598–603.

«первое лучшее» недостижимо), которое вполне сочетается с частной собственностью на сами компании.

Таблица 1.1. В какой мере Вы согласны с высказываниями...
(в %, июнь 2005 г., N = 1000)

<i>Суждение</i>	<i>Да*</i>	<i>Нет**</i>	<i>Затруднились ответить</i>
Недра, леса, водные и другие природные ресурсы, электростанции, предприятия ВПК, железные дороги, высоковольтные ЛЭП и магистральные трубопроводы должны находиться исключительно в государственной собственности	91	5	4
Необходимо восстановить государственную собственность на землю, кроме подсобных хозяйств, приусадебных, дачных, садово-огородных и гаражных участков	83	10	7

* Совершенно согласен, скорее согласен.

** Совершенно не согласен, скорее не согласен.

Источник: Левада Ю. Сегодняшний выбор: уровни и рамки // Вестник общественного мнения, 2005, № 5. С. 14.

Третья особенность рынка природных ресурсов, толкающая к огосударствлению, представляется также весьма спорной. Речь идет о так называемых «переливах» (*spillovers*) и недостаточном горизонте планирования. Одна из трактовок, объясняющая эти «переливы», утверждает, что, в отличие от ряда отраслей обрабатывающей промышленности, добывающие отрасли не являются полем передовых технических достижений, которые могут «передаваться» на другие производства. Связано это как с большой спецификой данного сектора, так и его технологической простотой. В то же время он является капиталоемким и привлекательным для крупных инвесторов. Поэтому для коррекции структуры экономики и ее ди-

версификации требуются меры государственной поддержки для обрабатывающих отраслей.³⁷

Очевидные факты убеждают, что технологическая простота добывающего сектора — это миф, не имеющий ничего общего с действительностью.³⁸ Достаточно вспомнить новые технологии добычи нефти и газа на шельфе, производство и транспортировку сжиженного природного газа. Ясно, что здесь наблюдаются и мощные «переливы», стимулирующие развитие смежных отраслей. Скорее всего, современная нефтегазодобыча и связанные с ней смежные производства ближе к хай-тек, чем к «технологической простоте».³⁹

Однако даже если бы этого всего не наблюдалось и отрасль на самом деле (а не в журналистских измышлениях, которые повторяют некоторые экономисты) отличалась технологической простотой, то тем более никакой связи с ее огосударствлением здесь не прослеживалось бы. В экономике существуют производства, достаточно далекие от хай-тек (скажем, выпечка хлеба или производство прохладительных напитков), и, тем не менее, никакой тяги к их национализации не наблюдается. Напротив, «законность» частного бизнеса в них обычно не подвергается сомнению.

Что же касается недостаточного горизонта планирования, то, как было показано выше при изложении концепции Гэдди и Айкеса, он является не причиной, а следствием слабой защищенности прав собственности.

Гэдди и Айкес, как мы помним, выдвинули следующее соображение: в условиях, когда большой удельный вес в национальной

³⁷ Welfens P., Kauffmann A. Structural Change, Natural Resource Sector Expansion and Growth in Russia // *Internalization and Economic Policy Reforms in Transition Countries*/E. Graham, N. Oding & P. Welfens (eds.). Heidelberg: Springer, 2005. P. 19–21; Gylfason T. *Natural Resources and Economic Growth: What is the Connection*. Munich-Centre for Economic Studies Paper, 2002, № 530.

³⁸ В этом убеждает, в частности, общая позиция по данному вопросу столь различных по своим убеждениям авторов, как Симонов (Симонов К.В. Указ. соч. С. 36–52) и Милов (Милов В. *Нефтяное государство* // *Новая газета*, 2005, № 96).

³⁹ Попутно заметим, что страны, национализировавшие частные компании, вполне могут оказаться не в состоянии развивать нефтегазодобычу в более длительном периоде как раз по причине возникновения технологических трудностей по мере истощения освоенных частными компаниями месторождений. Таким образом, «сняв сливки» с «конфиската», вскоре можно оказаться у «разбитого корыта». В качестве иллюстрации технологических сложностей укажем на тот факт, что одержимая ныне «ресурсным национализмом» Россия никак не может приступить к разработке Штокмановского месторождения природного газа в Баренцевом море не столько по финансовым, сколько по чисто технологическим причинам. Поэтому кажущаяся простота вытеснения иностранных компаний на самом деле оборачивается долгосрочными проблемами.

экономике и ее экспорте имеет сырьевой сектор, владеющие им частные компании при наличии демократических институтов могут оказаться способными так мощно влиять на принятие законодателями политических решений, что государство фактически начинает служить интересам этих компаний в ущерб интересам других сторон. Ответный ход со стороны государства, сопротивляющегося этому, состоит в ослаблении прав собственности и/или огосударствлении сырьевого сектора.

Полтерович, Попов и Тонис, следуя той же логике, выводят из ресурсного изобилия неустойчивость демократии и рассматривают различные варианты распределения ренты (фактически отражающего то или иное распределение прав собственности) в построенной ими модели.⁴⁰

В целях противодействия негативным тенденциям, изобильные ресурсами страны предпочитают национализировать добывающие производства и делать ставку на активную промышленную политику. И здесь авторы видят фундаментальное противоречие. По их мнению, с одной стороны, ресурсоизбыточная экономика нуждается в эффективной социальной и промышленной политике, с другой стороны, плохие институты делают маловероятной ее эффективное использование.⁴¹

В итоге получаются два варианта, которые, если вспомнить известное выражение И. Сталина, «оба хуже». «Слабые государства становились жертвами «проклятия ресурсов», а сильные предпочли национализировать добывающий сектор, вместо того чтобы создать стимулы для перетока частного капитала из добычи в переработку».⁴² Этим авторы объясняют тот факт, что ни у одного из главных экспортеров топлива не наблюдалось экономического чуда, подобного тем, что имели место в Японии и Ю. Корее.

Если отбросить надежды авторов на некую идеальную промышленную политику, которая, как показывают, в частности, исследования Всемирного банка, себя не оправдала (или же ей приписывают

---

⁴⁰ Полтерович В., Попов В., Тонис А. Указ. соч. С. 79–82. «Ресурсное изобилие является фундаментальной причиной концентрации экономической власти. Крупнейшие собственники стремятся конвертировать ее во власть политическую, используя несовершенство институтов. Эта тенденция ведет к всплеску политической коррупции и неустойчивости демократии, что влечет за собой дополнительные издержки. В этих условиях та или иная форма авторитарного правления оказывается неизбежной». [Там же. С. 86].

⁴¹ Там же. С. 86.

⁴² Там же. С. 88.

не ее заслуги),⁴³ то есть основание утверждать, что им удалось, вслед за Гэдди и Айкесом, дать достаточно аргументированное обоснование как неустойчивости демократических институтов, так и стремления к национализации в изобилующих ресурсами и экспортирующих их странах.

Заключение

Поиск причин незащищенности прав собственности экономистами и политологами не привел и не мог привести к каким-то однозначным выводам. По всей видимости, формирование суверенных прав собственности индивидов, как и препятствия на этом пути, обусловлены значительно более глубокими причинами, чем нефтегазовое изобилие. Скорее всего, здесь можно говорить об исторической преэминентности базовых институтов, политической культуры и в целом восприятия мира, которая составляет то, что экономисты-институционалисты называют *path dependency* (зависимость от пройденного пути, своеобразная историческая колея).⁴⁴

Однако неверно было бы и полностью отбрасывать концепцию «ресурсного проклятия». Не работающая в странах с устоявшимися демократическими, правовыми и рыночными институтами, она отчасти подходит в качестве объяснения того, почему основы этих институтов во многих странах, не относящихся к авангарду устояв-

---

⁴³ «...Мировой опыт проведения промышленной политики носит весьма неоднозначный и преимущественно отрицательный характер» (Доклад об экономике России — декабрь 2006 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ns.worldbank.org.ru/files/rer/RER_13_rus.pdf. С. 15). К такому выводу пришли эксперты Всемирного банка, обобщив анализ опыта проведения промышленной политики в различных странах на протяжении нескольких десятилетий.

⁴⁴ «Российская экономическая ментальность формировалась веками. Она характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отражающихся в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы» (Нуреев Р.М. Послесловие к «политической экономии сталинизма» Пола Грегори // Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 349). И далее Нуреев пишет: «Российскую экономическую ментальность можно охарактеризовать как коммунальную, общинную, рассматривающего человека как часть целого». [Там же]. Отсюда можно заключить, что и без обильной нефтегазовой ренты становление частной собственности и самопринадлежности индивида (выражающейся в том, что привычно называется правами человека) в России постоянно сталкивалось бы с серьезным сопротивлением «человеческого материала».

шихся развитых демократий, подвержены эрозии и разрушению.⁴⁵ Нефтегазовое изобилие, отражающееся в структуре экономики, экспорта и доходах государственного бюджета, способно создать мощные стимулы к такому поведению, которое не нуждается в формальных ограничениях, правилах игры, а нацелено на захват ренты через захват государства, позволяющего менять эти правила по ее ходу.

В то же время можно сказать, что при прочих равных условиях замещение прав собственности государственным произволом в перспективе сокращает ресурсную ренту, на основе которой выстраивается вся система политических и социальных отношений. В какую сторону пойдет в таких условиях эволюция системы, предсказать, конечно, невозможно. Было бы наивным считать, что сжатия ренты достаточно для превращения правового беспредела в правовое общество. Вместе с тем, нельзя не замечать, что таковое создаст некие новые обстоятельства, которые в целом будут более благоприятны к переменам в направлении более эффективных институтов, включая, в первую очередь, институт прав собственности.

---

⁴⁵ В этом плане «нефтяное» или, шире, «ресурсное проклятие» можно сравнить с детской болезнью, которая поражает неустойчивые организмы, мешая им перейти во взрослое состояние.